

Научная статья | Original paper

Мотивация использования искусственного интеллекта: адаптация диагностического инструментария

Н.В. Волкова¹ ✉, Н.В. Кочетков², В.А. Чикер³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ nv.volkova@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Искусственный интеллект является технологией, потенциально способной кардинально изменить все сферы жизни человека. Его быстрая интеграция в повседневную реальность интенсифицирует исследования, посвященные психологии использования нейросетей. Однако развитие эмпирических исследований в отечественном научном поле ограничено недостатком валидизированного психодиагностического инструментария, позволяющего оценивать отношение пользователей к нейросетям и особенности мотивации их использования. **Цель.** Адаптировать для российской популяции методику диагностики мотивов использования искусственного интеллекта и провести ее валидизацию. **Гипотеза.** Предполагалось, что двухфакторная структура опросника «Мотивы использования искусственного интеллекта» позволяет создать русскоязычную версию методики с удовлетворительными психометрическими свойствами, а состав ее факторов будет воспроизводить оригинальную модель. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 368 студентов вузов и учреждений среднего профессионального образования (средний возраст — 19 лет, 75% выборки — женщины). Конвергентная валидность проверялась с помощью опросника отношения к технологиям для подростков и родителей и диагностики карьерной вовлеченности. Для обработки и анализа данных были использованы экспериментальный и подтверждающий факторный анализ, корреляции Спирмена. **Результаты.** Подтвердилась двухфакторная структура опросника «Мотивы использования искусственного интеллекта»: «Самозффективность», связанная с использованием ИИ, и «Субъективная ценность» задачи (деятельности), второй фактор содержит четыре субшкалы. Все шкалы характеризуются высокой внутренней согласованностью, общие психометрические показатели опросника подтверждают его надежность и валидность. **Выводы.** Русскоязычная версия методики диагностики мотивов использования искусственного интеллекта сохраняет факторную структуру оригинальной

методики и обладает высокими психометрическими свойствами для ее использования в психологической науке и практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), мотивы использования ИИ, отношение к технологиям, психодиагностика, самоэффективность, субъективная ценность

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-077).

Дополнительные данные. Наборы данных доступны: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/v73m-ba1n-5at1>.

Для цитирования: Волкова, Н.В., Кочетков, Н.В., Чикер, В.А. (2026). Мотивация использования искусственного интеллекта: адаптация диагностического инструментария. *Психологическая наука и образование*, 31(3), 35–49. <https://doi.org/10.17759/pse.2026310303>

Artificial intelligence use motives: adaptation of the diagnostic tool

N.V. Volkova¹ ✉, N.V. Kochetkov², V.A. Chiker³

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

³ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ nv.volkova@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Artificial intelligence is a technology with the potential to fundamentally transform all spheres of human life. Its rapid integration into everyday reality intensifies research dedicated to the psychology of using neural networks. However, the development of empirical research in the Russian scientific field is limited by the lack of validated psychodiagnostic tools that allow assessing users' attitudes toward neural networks and the specific features of their motivation for using them. **Objective.** To adapt a questionnaire for diagnosing the motives of using artificial intelligence (AI) for the Russian population and to validate it. **Hypothesis.** It was assumed that the two-factor structure of the "Artificial Intelligence Use Motives" questionnaire would make it possible to create a Russian-language version of the tool with satisfactory psychometric properties, and that the composition of its factors would replicate the original model. **Methods and materials.** The study involved 368 university and secondary vocational education students (mean age 19 years old, 75% of the sample were women). Convergent validity was tested using the Adolescent and Parent Technology Use Attitude Questionnaire and the Career Engagement Scale. For data processing and analysis, exploratory and confirmatory factor analyses and Spearman correlations were used. **Results.** The two-factor structure of the "Artificial Intelligence Use Motives" questionnaire was confirmed as "Expectancy related to AI use" and "Subjective task value". The second factor contains four subscales. All scales are characterized by high internal consistency, and the overall psychometric indicators of the questionnaire confirm its reliability and validity. **Conclusions.** The

Russian-language version of the AI use motives questionnaire retains the factor structure of the original version and possesses sufficient psychometric properties for its use in psychological science and practice.

Keywords: artificial intelligence (AI), artificial intelligence use motives, attitudes towards technology, psychodiagnostics, expectancy, subjective task value

Funding. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-077).

Supplemental data. Dataset is available: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/v73m-ba1n-5at1>.

For citation: Volkova, N.V., Kochetkov, N.V., Chiker, V.A. (2026). Artificial intelligence use motives: adaptation of the diagnostic tool. *Psychological Science and Education*, 31(3), 35–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2026310303>

Введение

По статистике ВЦИОМ, нейросетями пользуется 81% людей моложе 34 лет, которые используют их для работы с информацией, а 14% пользователей обращались к нейросетям за общением¹. Отношение людей к искусственному интеллекту (ИИ) неоднозначно — одни испытывают тревогу от развития этой технологии, других это мотивирует на то, чтобы изучать нейросети, работать с ними, делегируя технологии какую-то часть своих задач. При этом люди склонны считать продукцию ИИ своей собственной (Mayer, 2025).

Что меняет использование нейросетей в нашей жизни? Наиболее ярко это проявляется в системе образования, которая состоит из активных пользователей ИИ благодаря обучающимся. Высказывается мнение, что процесс обучения должен скоро поменяться в силу того, что ИИ дает возможность эффективного самообучения. Следовательно, педагоги будут выполнять, скорее, роль наставников, которые предостерегают бездумное получение информации (Gocsep, Audemir, 2020). Пожалуй, это опасение можно считать одним из самых серьезных — есть риск снижения критического мышления у представителей цифрового поколения, активно использующих ИИ-инструменты, что объ-

ясняется теорией когнитивной разгрузки (Gerlich, 2025). Кроме критического мышления в «зоне риска» оказывается творческое мышление, поскольку нейросети начинают превосходить по этому показателю среднестатистических людей (Bellemare-Pépin et al., 2026), что, в свою очередь, создает потенциальную угрозу вытеснения их из сферы искусства, как, например, уже происходит в кинематографе.

Несмотря на такие преимущества использования ИИ, как персонализированное обучение (Yu, Guo, 2023) и повышение мотивации обучающихся (Yuan, Liu, 2025), можно сделать предположение, что в ближайшее время произойдет ее серьезное изменение, т.к. использование нейросетей влечет за собой новую форму академической нечестности. Учащиеся прибегают к их помощи для написания разнообразных работ (Субботина, 2024), а педагоги — для их проверки (Кузьменко, 2025), что приводит к своеобразному противостоянию обеих сторон образовательного процесса. В условиях социальной анонимии (Мещерякова, 2012) легкий способ получения успеха (в том числе и академического) скорее всего приведет к резкому снижению учебной мотивации и перестройке системы образования: «Новые технологии породят

¹ Демина, К. (2025). Нейросети: инструмент, а не магия. *ВЦИОМ. Новости*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija> (дата обращения: 21.01.2026).

еще большую дифференциацию между учениками. Умные школьники будут использовать их с долей разумности, то есть подходить к вопросу креативно. Те, кто был неуспешным, возведут этот разрыв в квадрат, поскольку будут не тестировать модели для задачи, а использовать их в лоб, не имея способности проверить качество ответа, воспользоваться ответом на практике» (Казакова, Кузьминов, 2025, с. 23). Решение обозначенной проблемы возможно совместными усилиями общества (Yu, Guo, 2023) — только в этом случае ИИ станет помощником человека, выводя его развитие на качественно иной уровень.

Влияние ИИ на человека — бурно развивающаяся область психологической науки, однако можно констатировать, что это развитие пока идет в основном в теоретическом ключе. Выполнение эмпирических работ осложняется отсутствием методического инструментария.

В психологическом поле исследований можно найти следующие методические средства:

— Шкала измерения общего отношения к искусственному интеллекту (General Attitudes towards Artificial Intelligence Scale). Шкала имеет двухфакторную структуру: положительное отношение и отрицательное (Scherman, Rodway, 2022).

— Шкала принятия искусственного интеллекта (The Artificial Intelligence Assessment Scale). Она «позволяет преподавателям выбирать подходящий уровень использования GenAI при оценивании в зависимости от результатов обучения, которых они хотят достичь» (Perkins et al., 2024).

— Шкала ИИ-тревожности (Anartificial Intelligence Anxiety Scale). Включает тревожность относительно: обучения ИИ; схожести ИИ с человеком; замены человека искусственным интеллектом; того, что техника может выйти из-под контроля (Wang, Wang, 2019).

— Шкала доверия к искусственному интеллекту (Trust in Automation Scale). Несмотря на то, что шкала измеряет доверие к автоматизации, она применима в том числе и к работе с ИИ (McGrath et al., 2025).

При этом на русском языке можно найти всего лишь одну методiku, посвященную диагностике отношения к технологиям (Солдатова и др., 2021), которая измеряет такие аспекты, как технофилия, технорационализм, технофобия, технопессимизм.

Можно видеть, что фокус исследований приходится на диагностику отношения к ИИ как к новой технологии, при этом без внимания находится область, связанная с мотивацией его использования. Именно этим фактом, а также дефицитом методических средств для изучения психологических аспектов использования ИИ обусловлены актуальность и **цель** настоящей работы — адаптировать для российской популяции методiku диагностики мотивов использования искусственного интеллекта.

Гипотеза исследования. Русскоязычная версия методики диагностики мотивов использования ИИ обладает удовлетворительными психометрическими свойствами, а ее факторная структура совпадает с оригинальной методикой и теорией ожидаемой ценности.

Теоретическая основа

Выбор теоретических рамок для описания изменений мотивации людей в эпоху ИИ — сложная задача для исследователя, учитывая большое количество мотивационных теорий в психологии. Одним из поворотных моментов в истории развития мотивации деятельности стала теория ожидаемой ценности (ТОЦ), которая была сформулирована Дж.У. Аткинсоном в 1964 г., а окончательная версия представлена в 2002 г. Ж. Экклс, А. Уигфилд (Eccles, Wigfield, 2002). Предшественником ТОЦ можно считать теорию поля К. Левина, полагавшего, что у объектов существует валентность, которую можно раскрыть в виде субъективной ценности для человека. Так и в современной ТОЦ (см. рисунок) мотивация зависит от **субъективной ценности выполняемой задачи или деятельности** (Value) и **самоэффективности** (Expectancy). В данном контексте самоэффективность — это убеждение человека в том, что он может эффективно решить задачу, другими словами, это ожидаемый успех,

который зависит от субъективной оценки своих возможностей, предыдущего опыта, социального сравнения.

В теории выделяют 4 типа **субъективной ценности задачи (деятельности)**:

1. **Ценность достижения (Attainment)**. Она связана с ценностной сферой человека, что определяет важность достижения цели, решения задачи.

2. **Практическая ценность (Utility)**. Определяется тем, насколько человеку будет в будущем полезно то, чего он достигает на данный момент времени.

3. **Внутренняя ценность (Interest)**. Это внутренняя мотивация, интерес к тому, что человек делает.

4. **Предполагаемые затраты ресурсов (Cost)**. Поскольку любая деятельность происходит с затратой ресурса, то мотивация к ней зависит от его размера. Высокая «цена» деятельности может демотивировать человека.

Именно на основании теории ожидаемой ценности построен опросник «Мотивы использования ИИ» (A Questionnaire of Artificial Intelligence Use Motives), который был валидизирован

в 2024 г. турецкими учеными Юртом и Казарчи (Yurt, Kasarci, 2024). Опросник был выбран авторами в целях адаптации к российской популяции.

Материалы и методы

Исследование включало в себя три последовательных этапа. *На первом этапе* (август 2025 г.) была проведена кросс-культурная адаптация шкалы, включавшая процедуры перевода, обратного перевода и экспертной оценки, а также пилотное тестирование для верификации ясности и однозначности формулировок утверждений. *На втором этапе* (сентябрь 2025 г.) проводилась апробация переведенной версии опросника на выборке студентов высших учебных заведений г. Москвы. *На третьем этапе* (октябрь-декабрь 2025 г.) была сформирована репрезентативная выборка с соблюдением этических норм, включавших добровольное информированное согласие респондентов.

Этап 1. Процедура перевода шкалы

Для обеспечения культурной и языковой эквивалентности инструмента была про-

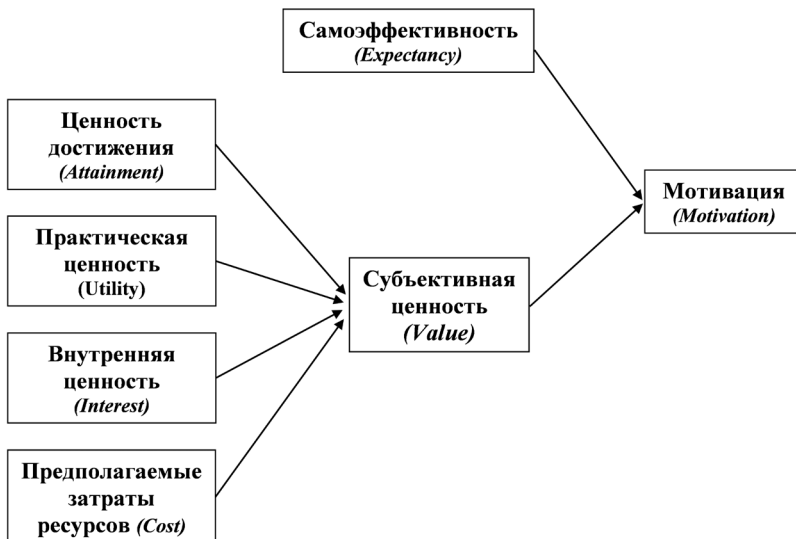

Рис. Модель мотивации (Экклес, Уигфилд, 2002)
Fig. The motivation model (Eccles, Wigfield, 2002)

ведена адаптация шкалы с применением стандартизированной процедуры прямого и обратного перевода (Brislin, 1970). Экспертный прямой перевод, который проводился тремя специалистами в области психологии и менеджмента, и последующая консенсусная оценка позволили сформировать промежуточную русскоязычную версию. Ее обратный перевод независимым экспертом-билингвом и сравнение с оригиналом подтвердили семантическое соответствие утверждений, что является необходимым условием для дальнейшей психометрической валидации.

Этап 2. Пилотная апробация шкалы

Пилотное тестирование опросника было проведено на выборке из 20 студентов, обучающихся на образовательных программах по психологии в вузе г. Москвы. По результатам анализа обратной связи, полученной от участников пилотной фазы, формулировки отдельных утверждений были скорректированы. Финальная версия шкалы для сбора данных состояла из 20 утверждений.

Этап 3. Сбор данных

В предыдущих исследованиях было продемонстрировано, что самоэффективность и ценность деятельности, составляющие основу теории Ж. Экклс и А. Уигфилда (Wigfield, Eccles, 2000), являются определяющими для выбора профессии и карьерных траекторий (Eccles, Wigfield, 2002). Соответственно, выборка была сформирована из студентов как активных участников рынка труда и в силу их социализации в период развития цифровых технологий уверенных пользователей этих ресурсов.

В анонимном онлайн-опросе приняли участие 368 обучающихся из учреждений среднего профессионального образования (20,1%) и высших учебных заведений (79,9%) Москвы и Санкт-Петербурга. Средний возраст респондентов составил 18,8 года ($SD = 2,05$). В структуре выборки преобладали женщины — 75% ($n = 276$), доля мужчин составила 25% ($n = 92$).

Инструменты

Оригинальная версия шкалы «Мотивация использования ИИ» включала 20 утверждений, ориентированных на оценку самоэффективности, связанной с использованием ИИ, и субъективной ценности деятельности или задачи (Yurt, Kasarci, 2024).

Для оценки конвергентной валидности шкалы использовались следующие опросники:

Шкала «Карьерная вовлеченность», разработанная А. Хирши с коллегами (Hirschi и др., 2014) и адаптированная для российской репрезентации Н.В. Волковой с соавторами (Волкова и др., 2026), которая состоит из 10 вопросов. Она была использована для оценки трех измерений этого показателя: планирования карьеры (4 утверждения; коэффициент альфа Кронбаха (α) = 0,87), карьерного нетворкинга (3 утверждения; $\alpha = 0,84$) и карьерного саморазвития (3 утверждения; $\alpha = 0,73$).

Опросник отношения к технологиям для подростков и родителей (Солдатов и др., 2021), который разрабатывался с учетом когнитивных и эмоциональных аспектов отношения к технологиям у подростков и родителей подростков 14–17 лет, использовался для оценки технофобии (4 утверждения; $\alpha = 0,8$), технофилии (8 утверждений; $\alpha = 0,82$), технорационализма (4 утверждения; $\alpha = 0,64$) и технопессимизма (3 утверждения; $\alpha = 0,76$). Шкала состоит из 19 вопросов.

Выбор шкал обусловлен результатами исследований, подтвердивших наличие положительной взаимосвязи между мотивацией достижений в рамках ТОЦ (Wigfield, Eccles, 2000) и выбором профессионального пути (Eccles, Wigfield, 2002; Lauermann и др., 2017), а также результатами академической успеваемости (Иванюшина и др., 2016), которая связана с саморазвитием и карьерой.

Статистический анализ данных проводился с помощью соответствующих библиотек языка программирования R.

Результаты

После проверки анкет на корректность заполнения и удаления записей с пропусками была оценена нормальность распреде-

ления данных посредством оценки значений асимметрии и эксцесса, модуль которых не превышал 2.

Факторная структура

Матрица корреляций утверждений опросника была проанализирована перед проведением эксплораторного факторного анализа для определения пар, которые имели высокие значимые коэффициенты (более 0,8). В результате было удалено одно утверждение из субшкалы «Внутренняя ценность».

Эксплораторный факторный анализ (ЭФА) был выполнен для проверки теоретической структуры опросника и качества утверждений в пакете *rsuch* языка программирования R методом максимального правдоподобия с промакс (*promax*)-вращением. На данном этапе исключались пункты с низкими факторными нагрузками (ниже 0,30) и с выраженными перекрестными нагрузками; дополнительно оценивалось теоретическое соответствие пунктов выделенным факторам. В результате был исключен вопрос из субшка-

лы, оценивающей предполагаемые затраты ресурсов, который продемонстрировал наибольшую нагрузку на фактор самооффективности. Оставшиеся 18 пунктов распределились между двумя факторами с совокупной долей объясненной дисперсии 56,7%. Корреляционная структура данных характеризуется высокой долей общей дисперсии (критерий Кайзера–Мейера–Олкина, КМО = 0,95) и значимым критерием сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 4218,73$; $df = 153$; $p < 0,001$).

Конфирматорный факторный анализ (КФА) был выполнен в пакете *lavaan* языка программирования R для оценки структуры опросника и теоретической модели (см. рисунок). Модель факторов второго порядка на основе 18 утверждений показала приемлемое соответствие данным (Satorra-Bentler $\chi^2(128) = 335,08$; CFI = 0,95; RMSEA = 0,066 (90% CI от 0,058 до 0,075), SRMR = 0,05). Структура шкал и стандартизированные факторные нагрузки представлены в табл. 1.

В завершении анализа были оценены показатели надежности субшкал (табл. 2). Все

Таблица 1 / Table 1

Стандартизированные факторные нагрузки утверждений опросника Standardised factor loadings of the questionnaire items

Факторы / Factors	Субшкалы / Subscales	Утверждения / Items	Факторные нагрузки / Factor loadings
Самооффективность / Expectancy		1	0,500
		2	0,798
		3	0,801
		4	0,798
Субъективная ценность / Value	Ценность достижения / Attainment	5	0,674
		6	0,816
		7	0,745
		8	0,867
	Практическая ценность / Utility	9	0,765
		10	0,761
		11	0,736
		12	0,717
	Внутренняя ценность / Interest	13	0,676
		14	0,785
		15	0,914

Факторы / Factors	Субшкалы / Subscales	Утверждения / Items	Факторные нагрузки / Factor loadings
	Предполагаемые затраты ресурсов / Costs	16	0,795
		17	0,767
		18	0,809

Примечание: Номера утверждений соответствуют содержанию, представленному в Приложении.
Note: The item numbers correspond to the content provided in Appendix.

утверждения имели статистически значимые стандартизированные факторные нагрузки 0,5 или выше (см. табл. 1), а каждый латентный конструкт обеспечивал не менее 50% дисперсии связанных с ним показателей, то есть среднее значение извлеченной дисперсии (AVE) для каждой субшкалы составляло более 0,5, что в совокупности подтверждает конвергентную валидность факторов первого порядка (Cheung и др., 2024). Конвергентная валидность фактора второго порядка «Субъективная ценность» задачи (деятельности) оценивалась косвенно, через величину и значимость нагрузок факторов первого порядка. Все стандартизированные нагрузки были высокими ($\lambda = 0,865–0,953$, $p < 0,001$), а доверительные интервалы не включали ноль. Кроме того, фактор второго порядка объяснял значительную долю дисперсии входящих в него субшкал (от 75% до 90%), что подтверждает конвергентную валидность конструкции второго порядка.

На основании предыдущих исследований (Rönkkö, Cho, 2022) дискриминантная валидность между латентным фактором первого порядка «Самозффективность» и фактором второго порядка «Субъективная ценность»

была подтверждена на основе латентной корреляции ($r = 0,743$, $p < 0,001$), доверительный интервал которой не включал единицу [95% CI: 0,676; 0,810].

Валидность опросника

Конвергентная валидность опросника, наряду с рассмотрением его факторной структуры и показателей AVE, оценивалась посредством анализа корреляций с теоретически релевантными конструктами, ранее показавшими значимую взаимосвязь с ТОЦ и использованием цифровых технологий.

В табл. 3 представлены корреляции Спирмена. Все пять измерений шкалы мотивации использования ИИ положительно коррелируют с тремя компонентами карьерной вовлеченности, а также технорационализмом и технофилией, с которой взаимосвязь самая сильная. В большинстве случаев технофобия и технопессимизм не демонстрируют значимых корреляций с исследуемыми переменными либо эти связи носят слабый отрицательный характер. Так, были выявлены лишь две статистически значимые корреляции: между технопессимизмом и внутренним интересом

Таблица 2 / Table 2

Описательные статистики и показатели надежности субшкал Descriptive statistics and reliability indicators of subscales (N = 368)

Субшкала / Subscale	Средние значения / Means	SD	AVE	α	CR
Самозффективность / Expectancy	3,20	0,82	0,57	0,81	0,83
Ценность достижения / Attainment	3,01	1,02	0,61	0,85	0,87
Практическая ценность / Utility	3,39	1,03	0,56	0,83	0,83
Внутренняя ценность / Interest	3,26	1,05	0,65	0,83	0,85
Предполагаемые затраты ресурсов / Costs	2,71	1,04	0,63	0,83	0,83

Примечания: AVE — среднее значение извлеченной дисперсии; α — коэффициент Альфа-Кронбаха; CR — надежность конструкта.

Note: AVE — average variance extracted; α — The Cronbach's alpha coefficient; CR — construct reliability.

к использованию ИИ ($r = -0,13$, $p < 0,05$), а также между технофобией и самооффективностью ($r = -0,18$, $p < 0,001$). Соответственно, данные корреляционного анализа подтверждают конвергентную валидность опросника.

Важно отметить, что мотивация использования ИИ в большей степени определяется позитивными ресурсами (технофилия, технорационализм, три измерения карьерной вовлеченности), чем негативными установками (технопессимизм, технофобия). Соответственно, стратегии стимулирования использования ИИ должны быть ориентированы не столько на преодоление страхов, сколько на формирование интереса, уверенности и осмысленной полезности ИИ в профессиональном и карьерном плане.

Обсуждение результатов

Факторная структура

В результате ЭФА и КФА было выделено два фактора в соответствии с теорией

Ж. Эклс и А. Уигфилда (Wigfield, Eccles, 2000) — самооффективность и субъективная ценность задачи (деятельности), последний из которых состоит из четырех мотивационных компонент. Полученные результаты в целом соотносятся с опросником, предложенным Юртом и Казарчи (Yurt, Kasarci, 2024). Однако в результате проведенного анализа были исключены два утверждения, соответственно, наша финальная версия состояла из 18 вопросов. Таким образом, валидированный нами опросник содержит 18 утверждений, которые распределены между пятью субшкалами для оценки мотивации использования ИИ (см. Приложение).

Валидность

В ходе обзора литературы была установлена положительная взаимосвязь между самооффективностью, субъективными ценностями задачи (деятельности) в рамках

Таблица 3 / Table 3

Результаты корреляционного анализа
 Results of correlation analysis

Мотивы использования ИИ	Самооффективность / EFFECTANCY	Ценность достижения / ATTAINMENT	Практическая ценность / UTILITIES	Внутренняя ценность / INTEREST	Предполагаемые затраты ресурсов / COSTS
Карьерная вовлеченность и отношение к технологиям					
Карьерная вовлеченность / Career engagement					
Планирование карьеры / Career planning	0,35***	0,31***	0,29***	0,31***	0,29***
Карьерный нетворкинг / Career networking	0,30***	0,27***	0,23***	0,22***	0,24***
Карьерное саморазвитие / Career self-development	0,32***	0,31***	0,29***	0,25***	0,25***
Отношение к технологиям / Attitudes towards Technology					
Технофилия / Technophilia	0,60***	0,64***	0,63***	0,65***	0,61***
Технопессимизм / Technopessimism	-0,08	-0,08	-0,06	-0,13*	-0,09
Технофобия / Technophobia	-0,18***	0,04	-0,03	-0,06	0,04
Технорационализм / Technorationalism	0,36***	0,35***	0,38***	0,42***	0,34***

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,05; «**» — корреляция значима на уровне 0,01; «***» — корреляция значима на уровне 0,001.

Note: «*» — correlation is significant at the 0,05 level; «**» — correlation is significant at the 0,01 level; «***» — correlation is significant at the 0,001 level.

ТОЦ (Wigfield, Eccles, 2000) и выбором профессионального пути (Eccles, Wigfield, 2002; Lauerthmann и др., 2017), а также результатами академической успеваемости (Иванюшина и др., 2016), которая связана с саморазвитием и карьерой. Соответственно, было выдвинуто теоретическое предположение о взаимозависимости между шкалой, предложенной Юртом и Казарчи (Yurt, Kasarci, 2024) на основе этой теории, и карьерной вовлеченностью как формой проактивного карьерного поведения (Hirschi и др., 2014), которая выражается через планирование карьеры, карьерное саморазвитие и установление профессиональных связей, в совокупности оказывающих влияние на профессиональное развитие человека (Волкова и др., 2026). Кроме того, использование приложений ИИ тесно связано с отношением к технологиям (Солдатова и др., 2021). Коэффициенты корреляции показали значимые положительные значения с позитивными ресурсами (технофилия, технорационализм, три измерения карьерной вовлеченности) и отсутствие или слабые отрицательные связи с технопессимизмом и технофобией, что подтверждает валидность опросника. Таким образом, можно сделать вывод, что опросник является валидным и надежным инструментом для применения на русскоязычной выборке как с точки зрения формальных психометрических показателей, так и с позиции его психологической направленности и содержательного наполнения.

Практическая значимость

Важно отметить, что все пять измерений мотивации использования ИИ продемонстрировали умеренно высокие положительные корреляции ($r \approx 0,54–0,75$). Соответственно, повышение одной мотивационной компоненты (например, практической полезности или интереса) с высокой вероятностью сопровождается ростом других, а мотивация использования ИИ может рассматриваться как комплексная система. В этом контексте интервенции, направленные на ее повышение через, например, обучающие програм-

мы, целесообразно проектировать с учетом одновременного усиления всех пяти мотивационных составляющих в рамках ТОЦ.

С другой стороны, использование ИИ воспринимается не как изолированная технологическая практика, а как инструмент карьерного развития, поскольку все мотивационные показатели умеренно и значимо коррелируют с карьерным планированием, карьерным нетворкингом и карьерным саморазвитием ($r \approx 0,22–0,35$). Соответственно, продвижение ИИ-приложений будет более эффективным, если они позиционируются как средство повышения карьерных перспектив или как ресурс для профессионального роста и расширения профессиональных связей.

Положительное эмоционально-ценностное отношение к технологиям существенно усиливает мотивацию использования приложений ИИ, чему может способствовать формирование позитивного технологического опыта. Скептические или тревожные ожидания относительно технологий, выраженные через технопессимизм, в целом не играют решающей роли в формировании мотивации использования ИИ. Однако технофобия, которая значимо и умеренно отрицательно связана с самооффективностью, снижает мотивацию через подрыв уверенности в собственной способности успешно использовать ИИ. Соответственно, обучающие и поддерживающие меры должны быть направлены на повышение самооффективности, особенно для людей с высоким уровнем тревожности.

Технорационализм умеренно коррелирует со всеми мотивационными переменными ($r \approx 0,34–0,42$), а также сильно связан с технофилией и отрицательно — с технофобией. Соответственно, рациональное, взвешенное отношение к технологиям через осознание их возможностей и ограничений будет поддерживать мотивацию использования ИИ без чрезмерного оптимизма или страха.

Заключение

1. Мы видим потенциал развития настоящего исследования в адаптации существующего зарубежного методического ин-

струментария, а также в разработке нового, отечественного, позволяющего работать с психологическими феноменами, вызываемыми появлением и развитием ИИ. Наше исследование показало, что возможности ИИ расширяют и углубляют мотивационную сферу личности, могут быть направлены на развитие самоофективности и повышают ценность деятельности, что является важнейшим ресурсом учащейся молодежи и образования в целом.

2. Психометрическая адаптация. Адаптированная версия шкалы «Мотивация использования ИИ» для русскоязычной выборки подтвердила свою надежность и валидность. В соответствии с теорией Ж. Экклс и А. Уигфилда (Wigfield, Eccles, 2000) шкала включает два фактора «самоофективность» и «субъективная ценность» задачи (деятельности). При этом фактор «субъективная ценность» состоит из четырех мотивационных компонент: 1) внутренняя ценность, 2) воспринимаемая ценность достижений, 3) практическая ценность, 4) предполагаемые затраты ресурсов.

3. Полученные результаты подтверждают применимость теории Ж. Экклес и А. Уигфилда (Eccles, Wigfield, 2002), основанной на ожидании успеха и субъективных ценностях деятельности, к анализу мотивации использования ИИ на русскоязычной репрезентации.

4. Шкала позволяет дифференцированно оценивать мотивационные компоненты, что может быть полезно для педагогов и карьерных консультантов. Например, низкие показатели по субшкале «Предполагаемые затраты ресурсов» могут свидетельствовать о недостаточном понимании сценариев, где

ИИ-навыки могут быть полезны, и, соответственно, требовать определенного обучения.

5. Адаптированный опросник может стать основой для разработки программ мотивации обучающихся и сотрудников организаций, направленных на усиление использования ИИ-технологий. Соответственно, методический арсенал практических психологов дополнен еще одним надежным и валидным инструментом психодиагностики.

6. Технорационализм рассматривается как защитный фактор, который выражается в рациональном, взвешенном отношении к технологиям, а также в осознании их преимуществ и ограничений, выступает устойчивым фактором поддержки мотивации использования ИИ.

Ограничения. Исследование ограничено выборкой студентов из крупных городов России. В будущем целесообразно проверить шкалу на других выборках, включая менее населенные локации, а также с учетом других возрастных групп. Кроме того, в дальнейшем перспективно изучить влияние более широкого набора социально-демографических факторов на мотивацию использования нейросетей.

Limitations. The study is limited to a sample of students from large cities in Russia. In the future, it would be advisable to test the scale on other samples, including less populated locations, as well as taking into account other age groups. Furthermore, it would be promising to examine the influence of a broader range of socio-demographic factors on the motivation to use neural networks.

Список источников / References

1. Волкова, Н.В., Бордунос, А.К., Чикер, В.А. (2026). Адаптация методики диагностики развития карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность». *Социальная психология и общество*, 17(1), 146–165. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170109>
Volkova, N.V., Bordunos, A.K., Chiker, V.A. (2026). Adaptation of the questionnaire for career development: "Career engagement scale". *Social Psychology and Society*, 17(1), 146–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170109>
2. Иванюшина, В.А., Александров, Д.А., Мусабиров, И.Л. (2016). Структура академической мотивации: Ожидания и субъективные ценности освоения университетского курса. *Вопросы образования*, 4, 229–250. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-229-250>
Ivanyushina, V.A., Aleksandrov, D.A., Musabirov, I.L. (2016). The structure of academic

- motivation: Expectations and subjective values of mastering a university course. *Educational Issues*, 4, 229–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-229-250>
3. Казакова, Е.И., Кузьминов, Я.И. (2025). Мы должны воспитать культуру критического отношения к ответам искусственного интеллекта. *Вопросы образования*, 1, 8–24. <https://doi.org/10.17323/vo-2025-25882>
Kazakova, E.I., Kuz'minov, Ya.I. (2025). We must cultivate a culture of critical thinking about artificial intelligence responses. *Educational Issues*, 1, 8–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/vo-2025-25882>
 4. Кузьменко, М.В. (2025). Искусственный интеллект в школьном математическом образовании: осведомленность, готовность и использование учителями математики. *Психологическая наука и образование*, 30(3), 125–139. <https://doi.org/10.17759/pse.2025300310>
Kuzmenko, M.V. (2025). Artificial intelligence in school mathematics education: awareness, readiness, and usage among mathematics teachers. *Psychological Science and Education*, 30(3), 125–139. <https://doi.org/10.17759/pse.2025300310>
 5. Мещерякова, Н.Н. (2012). Проявления аномии в российском обществе. *Мир науки, культуры, образования*, 3(34), 281–283.
Meshcheryakova, N.N. (2012). Manifestations of Anomie in Russian Society. *World of Science, Culture, Education*, 3(34), 281–283. (In Russ.).
 6. Солдатова, Г.У., Нестик, Т.А., Рассказова, Е.И., Дорохов, Е.А. (2021). Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей. *Социальная психология и общество*, 12(4), 170–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410>
Soldatova, G.U., Nestik, T.A., Rasskazova, E.I., Dorokhov, E.A. (2021). Psychodiagnostics of Technophobia and Technophilia: Development and Testing a Questionnaire of Attitudes towards Technology for Adolescents and Parents. *Social Psychology and Society*, 12(4), 170–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410>
 7. Субботина, М.В. (2024). Искусственный интеллект и высшее образование — враги или союзники. *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Социология*. 24(1), 176–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183>
Subbotina, M.V. (2024). Artificial intelligence and higher education: enemies or allies? *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Sociology*, 24(1), 176–183. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183>
 8. Bellemare-Pepin, A., Lespinasse, F., Thölke, P. et al. (2026). Divergent creativity in humans and large language models. *Scientific Report*, 16(1279). <https://doi.org/10.1038/s41598-025-25157-3>
 9. Brislin, R.W. (1970). Back-Translation for Cross-Cultural Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1(3), 185–216. <https://doi.org/10.1177/135910457000100301>
 10. Cheung, G.W., Cooper-Thomas, H.D., Lau, R.S., Wang, L.C. (2024). Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations. *Asia Pacific Journal of Management*, 41(2), 745–783. <https://doi.org/10.1007/s10490-023-09871-y>
 11. Eccles, J.S., Wigfield, A. (2002). Motivational Beliefs, Values, and Goals. *Annual Review of Psychology*, 53, 109–132. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135153>
 12. Gocen, A., Aydemir, F. (2020). Artificial Intelligence in Education and Schools. *Research on Education and Media*, 12(1). <https://doi.org/10.2478/rem-2020-0003>
 13. Hirschi, A., Freund, P.A., Herrmann, A. (2014). The Career Engagement Scale: Development and Validation of a Measure of Proactive Career Behaviors. *Journal of Career Assessment*, 22(4), 575–594. <https://doi.org/10.1177/1069072713514813>
 14. Lauermaann, F., Tsai, Y.-M., Eccles, J.S. (2017). Math-related career aspirations and choices within Eccles et al.'s expectancy–value theory of achievement-related behaviors. *Developmental Psychology*, 53(8), 1540–1559. <https://doi.org/10.1037/dev0000367>
 15. McGrath, M.J., Lack, O., Tisch, J., Duenser, A. (2025). Measuring trust in artificial intelligence: validation of an established scale and its short form. *Frontiers in Artificial Intelligence*. 8:1582880. <https://doi.org/10.3389/fraci.2025.1582880>
 16. Mayer, J.D. (2025). How Human Personality Will Change With the Use of Artificial Intelligence. *Personality Science*, 6. <https://doi.org/10.1177/27000710251386963>
 17. Perkins, M., Furze, L., Roe, J., MacVaugh, J. (2024). The Artificial Intelligence Assessment Scale (AIAS): A Framework for Ethical Integration of Generative AI in Educational Assessment. *Journal of University Teaching and Learning Practice*, 21(6). <https://doi.org/10.53761/q3azde36>
 18. Rönkkö, M., Cho, E. (2022). An Updated Guideline for Assessing Discriminant Validity. *Organizational Research Methods*, 25(1), 6–14. <https://doi.org/10.1177/1094428120968614>

19. Schepman, A., Rodway, P. (2022). The General Attitudes towards Artificial Intelligence Scale (GAAIS): Confirmatory Validation and Associations with Personality, Corporate Distrust, and General Trust. *International Journal of Human–Computer Interaction*, 39(8), 1–18. <https://doi.org/10.1080/10447318.2022.2085400>
20. Wang, Y.-Y., Wang, Y.-S. (2019). Development and validation of an artificial intelligence anxiety scale: an initial application in predicting motivated learning behavior. *Interactive Learning Environments*, 30(2), 1–16. <https://doi.org/10.1080/10494820.2019.1674887>
21. Wigfield, A., Eccles, J.S. (2000). Expectancy–Value Theory of Achievement Motivation. *Contemporary Educational Psychology*, 25(1), 68–81. <https://doi.org/10.1006/ceps.1999.1015>
22. Yu, H., Guo, Y. (2023). Generative artificial intelligence empowers educational reform: current status, issues, and prospects. *Frontiers in Education*, 8(1183162). <https://doi.org/10.3389/educ.2023.1183162>
23. Yuan, L., Liu, X. (2025). The effect of artificial intelligence tools on EFL learners' engagement, enjoyment, and motivation. *Computers in Human Behavior*, 162(108474). <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108474>
24. Yurt, E., Kasarci, I. (2024). A Questionnaire of Artificial Intelligence Use Motives: A Contribution to Investigating the Connection between AI and Motivation. *International Journal of Technology in Education*, 7(2), 308–325. <https://doi.org/10.46328/ijte.725>

Приложение / Appendix

Опросник «Мотивы использования искусственного интеллекта»

Уважаемый участник исследования!

Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны с данными утверждениями, где 1 — совершенно не согласен, 2 — не согласен, 3 — затрудняюсь ответить, 4 — согласен, 5 — абсолютно согласен.

Утверждения

1. Я могу освоить навыки, необходимые для эффективного использования сервисов искусственного интеллекта.
2. Мои общие знания об искусственном интеллекте значительно превышают знания многих людей.
3. Я использую искусственный интеллект более эффективно, чем большинство моих сверстников.
4. Мой потенциал для эффективного использования сервисов искусственного интеллекта выше, чем у многих людей в моем окружении.
5. Способность эффективно использовать искусственный интеллект важна для меня.
6. Изучение и внедрение инноваций в сервисах искусственного интеллекта являются для меня приоритетом.
7. Для меня важно быть в курсе последних событий, связанных с искусственным интеллектом.
8. Я придаю большое значение укреплению своих навыков в использовании сервисов искусственного интеллекта.
9. Сервисы искусственного интеллекта помогут мне стать квалифицированным профессионалом.
10. Искусственный интеллект повышает мою общую эффективность, делая мою жизнь более продуктивной.
11. В повседневной жизни искусственный интеллект помогает мне оптимизировать свои задачи.
12. Искусственный интеллект помогает мне в изучении различных предметов и курсов.
13. Мне нравится опыт взаимодействия с искусственным интеллектом.
14. Следить за развитием искусственного интеллекта для меня интересное занятие.

15. Развитие моих навыков в использовании искусственного интеллекта — это увлекательный процесс обучения для меня.

16. Для меня оправданно вкладывать время и усилия в изучение сервисов искусственного интеллекта.

17. Я готов тратить время, отведенное другим занятиям, чтобы изучать сервисы искусственного интеллекта.

18. Я не сомневаюсь в необходимости вкладывать значительное количество времени и усилий в развитие своих навыков, связанных с искусственным интеллектом.

Обработка и интерпретация результатов

Опросник состоит из пяти субшкал, по каждой из которых необходимо рассчитать средние значения.

Субшкала	Номер утверждения	Интервалы средних значений		
		Ниже среднего	Среднее	Выше среднего
Самоэффективность	1–4	1–2,3	2,4–3,6	3,7 и выше
Субъективная ценность				
Ценность достижения	5–8			
Практическая ценность	9–12			
Внутренняя ценность	13–15			
Предполагаемые затраты ресурсов	16–18			

Информация об авторах

Наталья Владимировна Волкова, кандидат психологических наук, доцент департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Никита Владимирович Кочетков, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Вера Александровна Чикер, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Information about the authors

Natalia V. Volkova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Division of Management, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Nikita V. Kochetkov, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Vera A. Chiker, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Вклад авторов

Волкова Н.В. — сбор и анализ данных; применение статистических и математических методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Кочетков Н.В. — аннотирование, обзор литературы; визуализация результатов исследования.

Чикер В.А. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia V. Volkova — data collection and analysis; application of statistical and mathematical methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

Nikita V. Kochetkov — annotation, literature review; visualization of research results.

Vera A. Chiker — ideas; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

От всех участников исследования получено согласие о его прохождении.

Ethics statement

Informed consent was obtained from all study participants.

Поступила в редакцию 07.02.2026

Received 2026.02.07

Поступила после рецензирования 02.04.2026

Revised 2026.04.02

Принята к публикации 15.06.2026

Accepted 2026.06.15

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30